

на правах рукописи

Чоршанбиева Зайнабхон Ашуровна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ
ЭМОЦИИ» В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ:
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2020

Работа выполнена на кафедре языков Института технологий и инновационного менеджмента в городе Кулябе

Научный руководитель: **Шамбезода Хусрав Джамшедович**, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Официальные оппоненты: **Касимов Олимджон Хабибович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой таджикского языка, Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибн Сино
Собирова Сановбар Ганиевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Лингвистики» филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода

Защита диссертации состоится «9» декабря 2020 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу 734025, Республики Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30, www.rtsu.tj

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу 734025, Республики Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30, www.rtsu.tj

Автореферат разослан « ____ » октября 2020 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, **Аминов Азим Садыкович**
доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательское пространство, очерченное когнитивным подходом к языку в филологии XX века, открывает все новые возможности постановки и решения научных проблем – не только в лингвистике, но и в литературоведении. Так, например, представления о языковой картине мира могут существенно дополнить инструментальный анализ художественного текста. Конечно же, в рамках анализа отдельного произведения следует говорить не столько обо всей картине мира, сформированной языком, сколько о ее репрезентации в данном тексте. Это уточнение необходимо, так как авторский художественный текст будет проявлять и общие черты языковой картины мира нации и эпохи, которой автор принадлежит и особые черты – в преломлении именно авторской языковой картины мира (к тому же, проявленной в данном произведении не полностью, а лишь частично по сравнению со всем текстовым наследием автора).

Вопрос реализации человеческой эмоции в лингвистической литературе является тем исследовательским подходом, где соприкасаются следующие ее парадигмы: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др. Данная полипарадигмальность лингвистики эмоций представляет собой логическое развитие психологии, которое ориентировано на лингвистику, установившая, что эмоции охватывают всю человеческую деятельность, включая ментальную и вербальную сферы.

Будучи коммуникативно релевантными, эмоции воспроизводятся и конструируются, проявляясь в лексических и экстралингвистических формах, но при этом не всегда семантизируются. Данная позиция была подтверждена огромным количеством работ концептологов и этимологов.

Человеческое сознание является концептуализатором познания относительно эмоций. Накапливая, обобщая и конструируя познания об эмоциях, оно их концептуализирует, в результате, чего эмоции получают так называемый паралингвистический код или лексиколизированную символику.

Важным условием для плодотворной мыслительной деятельности человека выступает эмоциональная активность. Исходя из этого, многие научные направления рассматривают эмоциональное мышление как самостоятельный тип, что, на наш взгляд, является неопро-

вержимым, так как человеческая деятельность, его сознание и эмоции, а также язык тесно связаны между собой.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубленного исследования способов концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира в рамках когнитивной лингвистики. Чтобы создать эмоциональную картину мира, необходимы эмоциональные концепты, имеющие важное значение и ценность. В диссертационной работе исследуется специфика межкультурных различий, которая находит свое отражение в сознании и языке. В любой лингвистической культуре обнаруживается связь культуры, эмоциональной картины мира и языка. Эмоции, будучи важным компонентом духовной культуры, несмотря на свою универсальность, в разных языках имеют специфическую особенность реализации, которая обусловлена характерной для говорящего субъективностью интерпретации окружающей действительности, что имеет безусловный интерес для лингвистической науки.

Степень разработанности темы. Вопрос о способах концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира в лингвистической науке был поставлен еще во второй половине XX-го столетия. В исследовании способов концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира существенна роль таких лингвистов, как В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Х. Штейнталь, Э. Сепир, С. Вежбицкая, А Воркачев, С.Д. Кацнельсон, С. Корнилов, Е.С. Яковлева, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов и др.

Тем не менее, до сих пор отсутствует монографическое исследование, анализирующее и содержащее концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира в сопоставительном плане, что еще раз подтверждает необходимость проведения подобного исследования.

Предметом данного исследования является эмоциональная концептосфера таджикской и английской лингвокультур.

Объектом исследования выступает лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в таджикском и английском языках.

Цель диссертационной работы заключается в раскрытии концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира, а также комплексном рассмотрении её функционирования и адаптации в указанных языках. Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотрение теоретических основ исследования языковой картины мира и составляющих ее лексико-семантических полей;
- определение состава и объема лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в таджикском и английском языках;
- классификация единиц микрополей с точки зрения их принадлежности к ядру и периферии;
- выявление соотношений элементов анализируемых микрополей на словарном уровне и в реальном употреблении в дискурсах современной художественной литературы

Научная новизна диссертации состоит в рассмотрении недостаточно изученных проблем, связанных с теорией системности лексики. Исходя из этого, анализируется принцип выделения и структурирования особых областей лексики, в частности, лексико-семантическое поле. В работе интерпретирование содержания микрополей «гнев», «страх» и «горе» осуществляется с позиции когнитологии, а также в выявлении и описании вербальных и невербальных средств, репрезентирующее соответствующее содержание в языке (таджикском и английском).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования вносят определенный вклад в разработку теоретических проблем, связанных с исследованием лексических значений, лексико-семантических полей, языковой картины мира, специфики функционирования лексики в современной художественной литературе.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в лексикографии, в том числе учебной, лекционных курсах по лексикологии и лексикографии, также в возможности использования данных исследования при подготовке практических занятий по общему и сопоставительному языкознанию, в разработке учебных и исследовательских программ по когнитивной лингвистике, в составлении переводных и эмотивных словарей.

Методология и методы исследования. В основу исследования положен метод сопоставительного структурно-семантического анализа с использованием элементов синхронно-диахронического и этимологического методов. Методы лексикографических определений, статистического и контекстуального анализа применялись при разработке проблемы в качестве основных методов.

В диссертации также нашли определённое место традиционные методы: трансформационный, формальный, описательный, комплексный этимологический, методика количественной обработки и компонентного анализа исследуемого материала.

Теоретико-методологическую основу настоящей работы составляют работы В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер, Х. Штейнталь, Э. Сепир, С. Вежбицкой, А. Воркачева, С.Д. Кацнельсон, С. Корнилова, Е.С. Яковлевой, Ю.Д. Апресяна, В.В. Колесова, Д. Искандаровой, Х. Шамбезода, Р. Салимова, А. Маманазарова, П. Джамшедова, Д. Ходжаева, Н. Шаропова и др.

Материалом для исследования послужили данные современных словарей таджикского и английского языков, а также примеры употребления единиц, извлеченные методом сплошной выборки из произведений современных авторов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Национальные различия в членении мира, особенности отражения реальной действительности в конкретных языках приводит к появлению национально-специфических языковых картин мира. В каждом национальном языке картина мира получает особую форму выражения.

2. Эмоция является категорией универсальной, то есть присуща представителям разных лингвокультур и вытекает из единой природы человека, его неконтролируемой психики.

3. В каждой языковой системе имеются обозначения эмоций и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, ее месте в ряду других эмоций, о причинах ее вызывающих.

4. Анализируемые микрополя «гнев», «страх» и «горе» имеют общую когнитивную базу для любого языка и культуры.

5. Специфика вербальных /невербальных репрезентаций лексем, входящих в микрополя «гнев», «страх» и «горе», определяемая культурными факторами, может проявляться в частных признаках, которые определяются неповторимыми культурными функциями и формами проявления специфического этноментального содержания. Данные языков показали, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-разному.

Личный вклад. Данная научная работа является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проанализированы работы зарубежных и отечественных ученых по проблемам концептуализации

отрицательных эмоций в таджикской и английской языковых картинах мира.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры языков Институт технологий и инновационного менеджмента в г.Кулябе (протокол №8 от 13.08.2020 г.) и на заседании кафедры английской филологии Российско-Таджикского(Славянского) университета (протокол №6 от 28.08.2020 г.)

Содержание и результаты диссертации изложены в форме научных докладов на республиканских, региональных конференциях и конференциях профессоров и преподавателей Института технологий и инновационного менеджмента в городе Кулябе. Отдельные результаты диссертации опубликованы в научных журналах в форме 5 научных статей, в том числе трех статей в научных журналах, включенных в реестр ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, обозначены объект и предмет исследования, определены цели и задачи, степень новизны, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, характеризуются источники и основные методы исследования.

Первая глава диссертации – **«Теоретические основы исследования эмотивной лексики в английской и таджикской языковых картинах мира»**, состоящая из пяти разделов, посвящена толкованиям понятия термина «языковая картина мира» в лингвистической литературе, характеристике лексико-семантического поля как фрагмента языковой картины мира, описанию свойств семантического поля, определению термина «лексико-семантическое поле», когнитивным аспектам изучения «отрицательных эмоций» в лингвистике, рассмотрению соотношения категорий эмоциональности и экспрессивности, эмоциональной лексики и ее особенностей в художественном тексте.

В первом разделе исследуются точки зрения на термин «языковая картина мира» в лингвистике. Автор диссертации исходит из того, что понятие *языковая картина мира* исторически восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка. При всем этом, в

лингвистической науке термин *языковая картина мира* впервые был использован Л. Вайсгербером. Будучи главным сторонником немецкого неогумбольдтианства, он акцентировал внимание на связи языка и мышления. В частности, Л. Вайсгербер отмечал: «Язык – не продукт деятельности, а сама деятельность» [3, 67].

Следует указать, что исследования В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер, Х. Штейнталь, Э. Сепир, С. Вежбицкой, А. Воркачева, С.Д. Кацнельсон, С. Корнилова, Е.С. Яковлевой, Ю.Д. Апресяна, В.В. Колесова и др. в значительной степени оказали влияние на определение *языковой картины мира* и наметили пути его дальнейшего изучения и исследования. Общеизвестно, что в языке находит отражение не только та или иная точка зрения на мир, но и сам мир. Иными словами, *языковая картина мира* – это синтез универсального знания о мире с идиоэтнической точки зрения. Если отправной точкой универсальных знаний является объективная действительность, то национальная точка зрения – это второй источник.

В частности, Е.С. Яковлева на основе анализа ряда исследований, посвященных *языковой картине мира*, приходит к выводу, что можно выделить две системы понятий: 1) *научная картина мира*, которая используется в логике, физике, психологии и т.д.; 2) *наивная картина мира*, которой человек пользуется независимо от своего знания тех или иных научных дисциплин [8, 45].

Особый вклад в исследование *языковой картины мира* внес Ю.Д. Апресян. В своих работах он выделяет *научную* и *наивную картины мира*, отмечая при этом, что наивные представления – не примитивны, в них отражается опыт интроспекции многих поколений на протяжении тысячелетий. Здесь уместно заметить, что термин *наивная картина мира* у Ю.Д. Апресяна тождествен понятию *языковая картина мира*, так как наивные знания извлекаются из единиц языка [1, 95].

Следовательно, в данном диссертационном исследовании *языковая картина мира* понимается как мировидение, со специфичной для данного языка системой лексико-семантических полей и значений слов.

Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» как фрагмент английской и таджикской языковой картины мира характеризуется национально-культурной спецификой.

Важное место в разработке методов семантического исследования занимает методика, основанная на понятии «семантического поля».

В лингвистической литературе понятие «семантическое поле» связано с идеями Г. Гердера и В. фон Гумбольдта и И. Трира. Суть данной теории заключается в том, что язык – это не отражение объективной реальности. Сам язык порождает самодостаточный образ. При этом, следует заметить, что действительность тем или иным языком строится по-своему.

Семантическая структура лексики, как показал анализ фактического материала, выявляет много индивидуальных особенностей в отдельных языках.

Как отмечает О.С. Ахманова, несмотря на значительные расхождения, методика Л. Вайсгербера не дала существенных результатов. Позиция В. Бетца относительно метода «семантических полей» может быть использована относительно метода «посредствующих картин мира» [2, 100].

По мнению диссертанта, наиболее интересным представляется теория «полей» В. Порцига. Главное, на что обратил внимание В. Порциг – это семантическая корреляция глаголов, прилагательных и существительных (И. Трир не рассматривает глаголы). Данные факты, согласно позиции Ю.Н. Караулова, например, английское *go – рафтан (идти)* предполагает *foot , grab (хватать) – hand (руки)*, а прилагательные *blond, fair, fair-haired (белокурый) – hair (волосы)*, являются основой построения «элементарных семантических полей».

Важно заметить, что существует огромное количество определений *лексико-семантического поля*. В современной лингвистике можно встретить использование термина *семантическое поле* вместо *лексико-семантическое*. Е.И. Зиновьева отмечает, что подобное замещение неправомерно, исходя из того, что термин *семантическое поле* гораздо шире, исследование семантических полей – предмет семантики, семантические поля должны быть анализированы с привлечением не только данных лингвистики, но и других научных дисциплин. В *лексико-семантическое поле* входят слова и словосочетания, сгруппированные на основании общности выражаемого ими значения [4, 16-22].

В понимании автора работы *лексико-семантическое поле* – это иерархическая структура множества лексических единиц, имеющих общее инвариантное значение и отражающие в том или ином языке определенную понятийную сферу.

Стремительный рост и доминирование когнитивного направления в современной лингвистике способствует применению комплексного подхода для исследования как структуры языка, так и

его коммуникативной природы. Теоретические положения когнитивизма, используемые в лингвистических исследованиях, в частности, в семасиологии, способствуют формированию новых теорий и взглядов, а следовательно, новых позиций и методов анализа семантических процессов.

Важно заметить, несмотря на то, что существует немало исследований, посвященных проблемам сопоставительной семантики с непосредственной связью с другими лингвистическими направлениями, на данный момент фактически не проводились исследования сопоставительно-сравнительного характера с позиции когнитивизма. Можно отметить лишь отдельные работы, рассматривающие национально-специфический и психолингвистический аспекты семантических процессов в системе разноструктурных языков. Данные работы связаны с такими направлениями как этнолингвистика и психолингвистика. Ряд семантических фактов, связанных с межкультурной спецификой относятся к лингвокультурологическому направлению. Следует заметить, что подобные исследования незначительны и носят фрагментарный характер.

Лингвокогнитивный аспект сопоставительно-семантических исследований может послужить интегрированием положений общей и сопоставительной семантики, когнитивной семантики, когнитивной лингвистики. Следует заметить, что такое многополярное интегрирование является сложной задачей. Сложный механизм интегрирования ряда аспектов обуславливается необходимостью поиска путей для плодотворного использования положений когнитивной лингвистики в ходе сравнительного исследования семантических фактов типологически различных языков. Данный факт, естественно, акцентирует внимание на специфику когнитивного подхода сопоставительной семантики. Однако, следует заметить, что несмотря на сложность данной задачи, есть определенный исходный код, способствующий видению широкого диапазона актуальных проблем и во многом определяющий пути их решения.

Многие традиционные проблемы психолингвистики, стилистики и лингвистики сегодня переосмысливаются с позиций когнитивных и коммуникативных парадигм лингвистики.

В последнем разделе данной главе рассматриваются эмоциональные аспекты лексики и ее особенности в художественном тексте. Одной из особенностей эмотивного текста является тот факт, что слово в нем может отражать не только объективную картину, но и особые смыслы.

Ни одна словарная дефиниция не может охватить всех оттенков его семантики, особенно эмотивной, которые вскрываются в тексте (в нашем случае в художественном тексте), где сочетаемостные нормы наиболее широки и свободны. В тексте, как показало исследование, получают реализацию глубинные пласты семантических потенций слова – то, что лежит на поверхности, не всегда объясняет трансформацию семантики слова в тексте.

В лингвистической литературе выделяются следующие компоненты эмотивных текстов: 1) языковые (эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций); 2) праязыковые (эмоциональная кинесика и фонация в лексическом представлении и др.), а также неязыковые (эмоциональная ситуация, эмоциональная пресуппозиция, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения и их общий эмоциональный настрой). Все это находит формальное выражение в специальных средствах: лексике и синтаксисе, структуре и стилистике, которые выступают в функции сигналов об эмоциональности данного текста.

Вторая глава диссертации – **«Семантика и функционирование единиц лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках»**, состоит из шести разделов.

Человеческие эмоции всегда были объектом исследования многих дисциплин: психологии, антропологии, философии, лингвистики и т.д. В лингвистической науке исследованием данной научной области занимались такие ученые, как Ш. Балли, Ван Дейк, М. Бреаль. В последнее время все возрастающий интерес лингвистики в сторону антропоцентризма привел к тому, что исследование эмоции стало занимать ключевую позицию в языкознании. При этом следует заметить, что в анализе лингвистических вопросов, связанных с эмоциями, способствуют факты, полученные учеными в области психологии, физиологии и т.д. Эмоции и чувства являются объектом исследования как психологов, так и лингвистов, но различны методы исследования.

Языки развиваются под действием двух противоположных тенденций. Во-первых, тенденция к выразительности, которая обогащает мысль конкретными элементами, порождениями эмоциональность и субъективность говорящего, она приводит к отражению этих элементов в языке путем создания грамматических формантов и слов. В другом направлении действует интеллектуальная и аналитическая тенденция, которая устраняет то, что чуждо идее в чистом виде и

уменьшает объем значения языковых единиц, превращая часть из них в грамматические знаки.

Любые психические состояния, находящие эмоциональное выражение, рано или поздно получают выражение и в языке. *Marг – death (смерть), ranч – suffer (страдание), беадолатй – injustice (несправедливость)* – все эти представления несут в себе скрытый эмоциональный заряд, однако слова *смерть, страдание* и *несправедливость* являются не более чем «этикетками» - названиями абстрактных и холодных концептов.

В этой связи можно говорить и о противоречии между выразительностью языка и необходимостью передачи через его же посредство сообщений. Мы хотели бы выражать свои мысли цельным, индивидуальным, эмоциональным образом, тогда как язык стремится к тому, чтобы передать нашу мысль быстро и ясно: поэтому он передает ее лишь самыми общими своими приемами, деперсонализируя и объективизируя ее. Чем больше мы вступаем в общение, тем в большей степени коммуникация противодействует тенденции к индивидуальному выражению наших мыслей.

Следовательно, эмоции являются одной из самых сложных систем человека. Подчеркивая сложность данного феномена, известный психолог К. Изард дает следующее определение: «Эмоции – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» [5, 27].

Установлено, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style*. Каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека. В то же время эта корреляция не является моделью типа *one-emotion-one-style*. Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечет за собой изменения эмоций человека.

Интересным на наш взгляд является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет.

В качестве семантической универсалии лингвистами отмечается тот факт, что в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если сравнить эмотивную лексику с этой точки зрения, то можно обнаружить, что во всех языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Это позволя-

ет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (сравним: *бахт ва ғам - happy and sad (счастье и печаль), ғам ва бахт – sad and happy (печаль и счастье)*, что объясняется психологическим стремлением человека к позитивности.

Следует также отметить, что благодаря когнитивной парадигме в лингвистике, был установлен когнитивный характер категории эмотивности. Когнитология как наука о структуре знаний, их формировании тесно связана с эмотиологией – наукой о вербализации, выражении и коммуникации эмоции. Это объясняется тем, что все когнитивные (мыслительные) процессы сопряжены с эмоциями: «... когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [1, 23].

Можно также отметить, что общий диапазон негативных эмоций человека, вербализованных в английском языке и репрезентированных соматическими фразеологизмами значительно меньше, чем в таджикском языке, что свидетельствует о достаточно высоком уровне коммуникативной сдержанности англичан.

В английском языке репрезентантами негативной эмоции являются такие соматизмы, как: *bile – хаши (желчь), blood – хун (кровь), eye – чаши (глаза), face – рӯй (лицо)*. Место локализации гнева в английской языковой картине мира четко определено: *head – сар (голова), heart – дил (сердце), gall – захра (желчь)*.

В рамках данной группы диссертант выделяет следующие соматические фразеологизмы, характеризующие:

– **состояние субъекта:**

hot blood – тундмизочӣ, тундхулқӣ, бадҷаҳлӣ (вспыльчивость): Why, he means the boys are a passel of fools!" thought Scarlett indignantly, the hot blood coming to her cheeks) - Чаро ӯ фикр мекунад, ки бачаҳо аҳмақанд!" *Скарлетт ба газаб омада, бадҷаҳлиаш дар рухсорааш аён гардид (Да он, кажется, считает наших мальчиков просто кучей идиотов!» — возмущенно подумала Скарлетт, и кровь прилила к ее щекам); I hope you'll forgive him. He did it in hot blood – Умедворам, ки шумо ӯро мебахшед. Ӯ аз қаҳру газаб чунин амал кард (Я надеюсь, вы простите его. Он поступил так сгоряча);*

one's blood is up – – аз худ рафтаи, хун дар рағҳо чакидан (выйти из себя; кровь кипит в жилах): You are one of those wise men who see everything with great composure till their blood is up, and then—

woe to anyone who should put them in mind of their own prudential maxims!” – Зоҳиран шумо аз ҳамон хирадмандоне ҳастед, ки қабл аз бад шудани кор ҳамаро бо оромии зиёд аз назар мегузаронед... (Вы, видимо, из тех благоразумных мужчин, что смотрят на все с завидным спокойствием, пока кровь не ударит в голову, - а тогда..., горе тому, кто осмелится им напомнить их же собственные благоразумные правила);

one's blood turned to ice – хун дар рағҳо баста шудан (кровь застыла в жилах): Oscar's blood turned to ice when he saw the shadow pass by outside the window – Вақте ки Оскар сояи шахсеро дид, ки берун аз тиреза мегузарад, хун дар рағҳояш шах шуд (У Оскара кровь застыла в жилах, когда он увидел, как за окном мелькнула чья-то тень);

eat one's heart out – аз худ безор шудан, азоб кашидан (изводить себя, терзаться): By such a marriage you enter the camp which held your mother prisoner and wherein she ate her heart out – Агар ту оиладор шавӣ, ба ҳамон қароргоҳе меравӣ, ки дар он модари ту ҳамчун асир зиндагӣ мекард ва дар онҷо азоб мекашид (Если ты женишься, ты перейдешь в лагерь, где твоя мать жила как в темнице и где она изнывала душой);

be sick at heart – вазнинӣ дар қалб, дар тан (тяжело на сердце, на душе): Susie felt suddenly sick at heart. She had never dreamt that her secret was discovered – Сузи дар қалби худ вазниниро ҳсос кард. Ў ҳеҷ гоҳ фикр намекард, ки рози ӯ ошкор мешавад (У Сузи вдруг стало тяжело на душе. Она и не подозревала, что тайна ее раскрыта);

a broken heart – қалби шикаста, бо қалби шикаста (разбитое сердце, с разбитым сердцем): “It was all very fine to have a broken heart, but if it was going to interfere with her acting.... No, no..... Her acting was more important than any love affair in the world – Албатта, дарду алам дур мешавад, аммо дар натиҷа он метавонад ба истеъдоди ӯ таъсири манфӣ расонад. Не, не! Роҳи саҳна барои ӯ романи писандида аст (Остаться с разбитым сердцем? Страдания, конечно, облагораживают, но ведь от всего этого в конце концов может погибнуть ее талант. Нет, нет и еще раз нет!... Сцена дороже для нее любого романа”);

one's heart is broken – қалби шикасташуда, ғаму андуҳи зиёд (сердце разбито; убитый горем): You are very kind; I shall need a friend now. I am alone now, quite alone, and my heart is broken” – Шумо бисёр меҳрубонед, ман бошам ба дӯст ҳақиқӣ дорам. Ман танҳоям,

бисёр танҳо, ва қалбам шикаста аст (Вы очень добры ко мне, а я сейчас нуждаюсь в друге. Я одинока, очень одинока, и мое сердце разбито).

Данная эмоция может также сопровождаться разными формами физиологической экстериоризации: изменение цвета лица, тремор (дрожь в руках) и т.д.:

black in the face – аз хашм сурх шудан (багровый от раздражения): *And of course Archer... will swear till he's black in the face that he didn't do it – Албатта Арчер савганд мехурад, ки ӯ ҷиноят содир накардааст (И конечно, Арчер.... готов клясться и божиться, что он не совершал преступления);*

make a sad face – рӯй турш кардан - қиёфай норозӣ (сделать постную физиономию, недовольное лицо): *How much are the sandwiches?' she asked. 'Two pence!' bawled a rude steward, slamming down a knife and fork... Grandma made a small, sad face” (17, 67) – Сендвичҳо чанд пул меистанд? – ду пенс, - чангак ва кордро ба рӯи миз партофта, дагалона дод зад пешхизмат... Дар симои бибӣ тааҷуби сабук намудор шуд (Сколько стоят сэндвичи? – Два пенса, - заорал грубо официант, швыряя на стол нож и вилку... Лицо бабушки выразило легкое удивление);*

– действия по отношению к субъекту, которые могут явиться причиной гнева:

get one's (smb.'s) blood up – оташин шудан, беҳуд шудан, хашмгин кардан, касеро оташин кардан (разгорячиться, выйти из себя; разозлить, вывести из себя кого-либо): *Injustice of any sort always gets my blood up – Ҳар як рафтори ноадолатона маро бисёр хашмгин мекунад (Любая несправедливость глубоко возмущает меня);*

make smb.'s blood boil – касеро ба газаб овардан, саҳт оташин кардан (приводить кого-либо в ярость, в бешенство): *That story made my blood boil...” (26, 45) – Ин мочаро маро бисёр оташин кард (Эта история взбесила меня);.*

break smb.'s heart – дили касеро шикастан, саҳт ранҷондан, касеро ҷанг андохтан (разбить чье-либо сердце, сильно огорчить, расстроить кого-либо): *Don't think ill of me, because I use her help. She gives it cheerfully as you see, and it would break her heart if she knew that I suffered anybody else to do for me what her little hands could undertake” – Маро мазаммат нақунед, ки ман дар хона ба ӯ нохост ташвиш мерасонам. Ин боиси хушҳолии ӯ мегардад, ва ӯ бисёр оташин мешавад, агар ман аз каси дигар умедвор шавам, дар ҳоле ки ӯ бо*

дастони хурдакаки худ аз ӯҳдаи ин мебарояд (Не осуждайте меня за то, что я обременяю её хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она была бы очень огорчена, если бы я поручил кому-то другому работу, с которой могут справиться ее маленькие ручки).

Следует заметить, несмотря на то, что **гнев** – эмоциональное состояние, охватывающее небольшой временной промежуток, однако его действия по отношению к субъекту могут длиться достаточно долго и стать причиной данного состояния («вспышка гнева»).

Относительно таджикской языковой картины мира следует заметить, что репрезентантами гнева выступают такие лексические единицы, как: *хун – кровь, чаши – глаза, дил – сердце*, но в отличие от английского, в таджикском языке *чигар – печень*, а не *почки* обладают символическим значением гнева.

В данную группу автор исследования выделил следующие соматические фразеологизмы:

– **состояние субъекта**, в данном случае таджикская языковая картина мира имеет сходные черты с английской языковой картиной мира.

В таджикском языке зафиксировано не только внутреннее состояние субъекта (*хун хӯрдан – терзаться, мучиться; хуни чигар (дил) хӯрдан – жестоко страдать, терзаться, сильно переживать; дилаш пур шуд – он обиделся до слез*), но и внешнее проявление указанной эмоции (*нигоҳи хашигин – сверкать глазами; чашимонаш барқ заданд – у него от гнева сверкали глаза*):

“*Вай ба додситон тез кашида, **нигоҳи хашигин намуд.***

- *Ту ба ман ақл нашлав. Бе ту ҳам зӯрам мерасад*

- *Авалло ассалому алайкум....*

- *Ту ба ман шинос нестӣ, ки салом диҳам. Хез, каш аробаатро!*

- *Тез нашавед, бародар. Аввал пурсишу баъд кушиш гуфтаанд”* (М. Шералӣ, Қиссаи баҳорӣ, 66) – *Рассердивились, он гневно посмотрел на прокурора.*

- *Ты мне не советчик. И без тебя у меня хватает сил.*

- *Сначала здороваться нужно...*

- *Ты никто, чтобы я здоровался. Иди, тащи свою арбу!*

- *Успокойтесь, брат.”;*

“*Хотиратон ҷамъ бошад, деҳқонбобо, - гуфт майор. – Ӯ мукофоти амалаширо мегирад.*

Ин гап чӣ сеҳре дошт, ки дили Шариф Шараф пур шуд, чашимонаш барқ заданд.

- *Биравед, деҳқонбобо, - гуфт майор. Ў гӯё нашунид. Хомӯш буд. Фикр мекард, ки равад ё не*” –

“*Успокойтесь, дедушка, - сказал майор. – Он получит по заслугам. Однако в этой фразе, что-то терзало сердце Шариф Шарафа, его глаза засверкали.*

- *Идите, дедушка, - сказал майор. Он словно не слышал. Был спокоен. Думал, идти или нет*”;

– **действия по отношению** к объекту гнева в большей части пассивные:

“*Дарди ҷонсӯз гиребонгираиш шуд. Дар ҳоли гиристан, кӯшиши ашқи ҷаимонашро пинҳон доштанӣ кард, хост табассум кунад. Аммо аз синааш нолаи сӯзон бурун омад:*

- *Одам будан меҳоҳам!*

- *Чӣ-чӣ, ту одам нестӣ магар?*

- *Ту чӣ?*” –

“*Пронзительная боль охватила его. Еле сдерживая слезы, он улыбнулся. Однако, сквозь слезы он сказал:*

- *Хочу стать человеком!*

- *Ты, что не человек?*

- *А, ты?”.*

Часто объект, вызвавший гнев, может восприниматься как препятствие: (*ба ҷон расондан – встать поперек горла*). Анализ фактического материала показал, что в таджикском языке также как и в английском, стремление причинить вред объекту гнева (*аз гулӯ гирифтан, ба ҷон шудан, ба ҷон расондан – довести до отчаяния*) может стать признаком высокой степени интенсивности данной эмоции:

“*Аҷал тафаққуди ҳолам намекунад, варна*

Ҳазор бор аз ин зиндагӣ ба ҷон шудаам”;

В двух языковых картинах мира **печаль** рассматривается как невеселое, нерадостное настроение, **уныние** — состояние апатии и подавленности, **грусть** – чувство легкого томного уныния, тоскливой печали (книжн. поэт.), **тоска** – душевная тревога, соединённая с грустью и скукой, **горе** – скорбь, глубокая печаль, **отчаяние** – состояние крайней безнадежности, упадка духа вследствие горя, неприятности. В работе также выделен ряд отличий: если **грусть** – чувство более интимное, личностное, возникающее самопроизвольно (неожиданно), то **печаль** – коллективное чувство, которое не зависит от настроения от-

дельного человека, обычно вызванное смертью или разлукой близкого человека.

В состоянии печали, когда человека постигает горе, то естественной реакцией организма являются слезы:

mingled tears – плакать, горевать вместе : *As Fabian preceded with his story, his aunt began to cry, and that made him cry too; so they mingled their tears together*” – Фабиан накл кардани таърихи худро давом дод. Холаи *ӯ* гирия кард. Ашкҳои *ӯ* чорӣ шуданд ва онҳо якҷоя гирия карданд (Фабиан продолжал рассказывать свою историю. Его тетушка заплакала. У него тоже полились слезы; они горевали вместе).

Анализ фактического материала показал, что наиболее продуктивными являются соматические фразеологизмы, представляющие **страх** в двух языках. С точки зрения психологии **страх** считается отрицательно окрашенным эмоциональным процессом.

В английском языке репрезентантами данного состояния или эмоции выступают такие соматизмы, как **bones – устухон (кости)**, **back – тахтапушт (спина)**, **heart – дил (сердце)**, **skin – пушт (кожа)**, **arm – даст (рука)**, **neck – гардан (шея)**, а также лексическая единица **goose-flesh – мурашки** (дословно: **гусиная кожа**).

Приведем примеры из художественной литературы: *They turned toward me, smiling as though nothing in any way unusual were going on, smiles to scrape your bones* – Онҳо ҳар ду ба сӯи ман гаштанд ва чунон табассум карданд, ки гӯё ҳеҷ ҳодисае нашуда буд. Табас-сумашон даҳшатангез буд (Они оба обернулись ко мне и улыбнулись так, словно совершенно ничего такого не происходит. Улыбочки у них были – мороз по коже”); *Cold shivers run down my back when I think of what might have happened if I had sent it*.– Аз як фикри он ки чӣ мешуд, агар ман инро равон мекардам, танам ба ларза меояд (**Мороз по коже** пробирает, как вспомню, что бы могло выйти, если б я послал);

Незначительную группу составляют соматические фразеологизмы, репрезентирующие **стыд** и **смущение**.

В английском языке состояние стыда и смущения реализуется во фразеологических конструкциях с соматизмами **cheek – рухсора (щека)** и **face – рӯй (лицо)**: *But now, as she said good night, she saw that Melanie’s cheeks were suddenly crimson and she was trembling. Her eyes were on the carpet and, though she seemed overcome with some frightening emotion, she seemed shyly happy*” – Ҳоло вақте ки хайрухуш кард *ӯ* дид, ки рухсораи Мелани сурх шудааст ва *ӯ* меларзид. Чашмонаш

ба поён хамида буданд ва чунин менамуд, ки ўро тарс фаро гирифта буд. Ў хурсанд менамуд (Но когда они остановились, прощаясь в галерее в холле, Скарлетт заметила, как Мелани вдруг вся залилась краской и у нее задрожали руки, словно от волнения или испуга, как она смущенно опустила глаза, а лицо ее сияло); *The lines went out of his face and he slowly lowered his eyes*” – Рухсораш сурх шуд ва чашмонашро поин кард (Он покраснел и опустил глаза).

В таджикской языковой картине мира *стыд* и *смущение* вербализуются во фразеологизмах с компонентами *хун* – *кровь*, *чаим* – *глаз*: *ба рӯй хун давид* – *кровь бросилась в лицо*; *чаим поён афкандан* – *опускать глаза*.

Как показывает иллюстративный материал английского и таджикского языков, во фразеологических конструкциях с соматическими компонентами, вербализующих *стыд* и *смущение*, наиболее продуктивным является образ покрасневшего лица.

Таким образом, проанализировав негативные эмоции в двух языковых картинах мира, можно констатировать, что, с одной стороны, языки демонстрируют большое сходство, а с другой, в том или ином языке, в частности в лексической системе, отражается национальная специфика репрезентации негативных эмоций.

Исследования организации индивидуального лексикона человека обнаружили, что среди понятий, входящих в данное семантическое поле, обычно выделяется какое-то одно, процессы усвоения, идентификации и запоминания которого совершаются быстрее, успешнее по сравнению с другими. Понятия, обладающие указанными особенностями, называют базовыми, исходными.

Смысловые различия между *angry*, *indignant*, *wrathful*, *irate*, *furious* на первом взгляд незначительны. Однако *angry* и *irate* могут обозначать как постоянную черту характера, так и душевное состояние; все остальные синонимы обозначают только состояние, но не свойство, например: *I never thought that you were such an angry person* – *Ман ҳеҷ гоҳ фикр намекардам, ки шумо чунин шахси хашмгин ҳастед* (Никогда не думал, что вы такой сердитый); *“I wonder what made her so angry and irritable* – *Ман намедонам, ки чӣ ўро чунин хашмгин ва ғазаболуд кардааст. (Не знаю, что сделало ее такой злой и раздражительной)*; *“I was angry that I could not see my way clear, I was angry that no one gave advice that sounded ambitious enough”* (11, 45) – *Ман хашмгин шудам, чунки надонистам, кадом роҳро интиҳоб намоям* (Я злился от того, что не знал, какой путь

избрать, оттого, что не было у меня советчика, который развернул бы передо мной увлекательную перспективу).

Важно отметить, что *angry, indignant, wrathful, irate, furious, mad*, но не *acrimonious* характеризуют поведение человека, выражение его лица, взгляд, голос, мимику и т. п.: *angry eyes – чашмони ғазабнок (злые глаза); an angry glance – нигоҳи хашмгинона (злобный взгляд); indignant tears – ашки ғазаб (гневные слезы).*

Анализ лексико-семантического поля единиц таджикского языка, входящих в сферу «отрицательные эмоции», начинается с выделения из макросистемы языка необходимых единиц. Парадигматический анализ позволил выделить микрополя, объединенных общим признаком, и исследование характера отношения между микрополями и внутри каждого из них.

В лингвистической литературе известны разные способы выделения конstituентов лексико-семантического поля. В своем исследовании диссертант использовал семантико-логический метод, выдвинутый Ш. Балли. Он сводится к выявлению слова-идентификатора, выражающее понятие в объективной и наиболее абстрактной форме.

Во второй сектор включены лексемы, которые актуализируют такие семантические признаки как «негативное физическое воздействие», «негативное эмоциональное состояние, вызванное утратой физического благополучия»: *задан, қўфтан, афкор кардан – побить; азоб кашидан, озор дидан – мучиться; аз дарди дандон азоб кашидан – мучиться от зубной боли.*

Периферию микрополя “*андӯх – горе*” образуют лексемы, репрезентирующие разнообразные проявления эмоции горя: *шикоят (гила) кардан, шиква кардан – плакаться; гирёнчак, сергирия – плаксивый; и воздействия его вызывающие бо химча задан – ударить прутом.*

Таким образом, в строение анализируемых микрополей отрицательных эмоций таджикского языка наблюдается следующая закономерность: в направлении от центра к периферии количество семантических признаков указанных понятий, репрезентируемых в отдельно взятой лексеме, уменьшается, семантика элементов становятся зависимыми от контекста.

В **заклучении** обобщаются основные результаты и приводятся итоги сопоставительного исследования человеческих эмоций в исследуемых языках, отмечаются перспективы разработки данной темы.

Ключом исследования человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает,

имитирует, классифицирует, структурирует, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Вне зависимости от различий категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в лексическом и текстовом статусах (в нашем случае). Следовательно, и все высказывания человека в соответствующей ситуации общения эмотивно маркированы, отличаясь степенью градации силы и яркости чувственности говорящего. Именно интегральность данной категории доказывает существование эмотивного кода у языка.

Эмоция всегда вызывается специфичной и абстрактной ситуацией, которую в лингвистической литературе называют типовой ситуацией. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает *гнев*, предательство может вызвать *ярость*. Эмоциональные ситуации градуированы, и знание теории эмоции позволяет говорящему моделировать топоры своей вербалики, снижать или усиливать силу эмоции, предвидя эмоциональную реакцию партнера.

Анализ языкового материала позволяет также констатировать тот факт, что все эмоции дискурсивны. Единство семиотики, коммуникации и этики эмоций и их реализация в конкретной категориальной эмоциональной ситуации позволяет коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоцию.

Список использованной литературы:

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. // Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
3. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. вступ. ст. коммент. О. А. Радченко. / Л. Вайсгербер. – М.: изд – во МГУ, 2003. - С. 67
4. Зиновьева Е.И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. СПб., 2003. – С. 16 – 22.

5. Изард, К.И. Психология эмоций. / К.И. Изард. – СПб.: Изд-во: Питер, 1999. – С.56.
6. Исследования речевого мышления в психолингвистике: сборник научных трудов/ отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
7. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – С.16
8. Яковлева Е.Б. Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке. – М.: Наука, 1994. – С. 45.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях из перечня рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. **Чоршанбиева З.А.** Лексические единицы «отрицательной эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивный аспект. // Вестник Таджикского национального университета №4/7, 2017 стр.123-126.
2. **Чоршанбиева З.А.** Эмоциональные концепты «страх» и «гнев» в английском и таджикском языках (на материале словарных статей). // Вестник педагогического университета, №4(76), 2018 стр.104-106.
3. **Чоршанбиева З.А.** Семантико-когнитивный анализ лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в английском языке. // Вестник Таджикского национального университета №5, 2019 стр.20-25.

II. Статьи и тезисы, опубликованные в других изданиях и сборниках материалов научно-практических конференций

1. **Чоршанбиева З.А.** Эмоциональная лексика и ее особенности в художественном тексте. Материалы Республиканской научно-практической конференции «Исследователь и литератор», посвященной 60-летию научно-творческой деятельности заслуженного работника Республики Таджикистан, члена Союза журналистов РТ, кандидата филологических наук, доцента Барота Латифова. (г. Куляб, 26 мая 2018 г.) стр. 71.

2. **Чоршанбиева З.А.** Репрезентация негативных эмоций в языковой картине мира английского и таджикского языков (на материале соматической лексики). Материалы Областной научно-теоретической конференции «Женщины и развитие современной науки» (г. Бохтар, 9.02.2019 г.) стр. 111.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 07.10.2020. Подписано в печать 08.10.2020.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л.1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 735.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30